

Таблица 2

Параметры стрессреактивности и КНН у девушек с разным уровнем нормального АДД

Показатели	Лица с оптимальным АДД	Лица с нормальным АДД	Лица с высоким нормальным АДД	p
	n = 90	n = 18	n = 5	
АДД, мм рт. ст.	72,55 ± 0,5	82,00 ± 0,41	88,00 ± 0,68	
АДС, мм рт. ст.	116,96 ± 0,98	124,00 ± 2,05	124,00 ± 2,37	
ЧСС	75,99 ± 0,92	82,42 ± 3,14	77,67 ± 3,62	*
Рост, см	165,78 ± 0,59	162 ± 1,56	166,83 ± 2,94	
Масса тела, кг	54,64 ± 0,7	54,14 ± 1,67	56,51 ± 1,77	
Интроверсия, баллы	11,94 ± 0,35	10,61 ± 0,78	11,83 ± 0,79	
Нейротизм, баллы	9,06 ± 0,47	11,83 ± 1,08	9,33 ± 1,56	*
ИНРС, усл. ед.	118,83 ± 9,66	155,64 ± 29,98	105,9 ± 40,22	*
Суммарная СР, баллы	9,47 ± 0,19	11,21 ± 0,46	10,00 ± 0,63	
КНН, мкмоль/л	n = 42 8,24 ± 0,58	n = 10 7,96 ± 2,42	n = 3 7,24 ± 1,20	

На основании вышеизложенных данных можно предположить, что для юношей более значимым в регуляции диастолического давления являются гуморальные факторы, в частности, продукция оксида азота, тогда как для девушек более значим фактор стресса. Причем, девушки с нормальным давлением составляют,

по-видимому, даже большую когорту риска, чем лица с высоким нормальным давлением. Однако требуются дополнительные исследования для более детального ответа на данный вопрос.

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации МД-4145.2011.7.

**«Проблемы социально-экономического развития регионов»,
Франция (Париж), 15-22 октября 2011 г.**

Экономические науки

**ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ
РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ
ЭКОНОМИКИ**

Глазырина И.П.

*Читинский государственный университет;
Институт природных ресурсов, экологии
и криологии СО РАН, Чита, e-mail: iglazyrina@bk.ru*

В работе приводится характеристика современного состояния региональных эколого-экономических систем для регионов, граничащих с КНР. Показано, что существующий формат российско-китайского сотрудничества создает определенные экологические, экономические и социальные риски, а существующие и предложенные в программных документах меры недостаточны для модернизации социально-экономической системы приграничного региона.

Приграничное положение территорий в условиях открытой экономики теоретически обеспечивает им целый ряд существенных экономических преимуществ, значимость которых должна кардинально увеличиваться в условиях глобализации. Кроме дополнительных возможностей для взаимовыгодного перемещения материальных потоков и трудовых ресурсов, возникают благоприятные условия для распространения новых технологий, опыта их исполь-

зования, как положительного, так и отрицательного (что тоже полезно). Очень важный аспект – обмен передовыми управленческими практиками (так называемая диффузия организационных инноваций) во всех сферах, включая охрану окружающей среды. Кроме того, здесь формируются и развиваются специфические формы сферы услуг вследствие естественным образом развивающегося трансграничного туризма – делового, рекреационного, научного и др.

Наконец, приграничные регионы могли бы стать привлекательными для прямых иностранных инвестиций, поскольку здесь возникают возможности для эффективного решения большого количества задач, связанных с экспортом-импортом готовой продукции, оборудования, сырьевых товаров, комплектующих и т.п.

Однако после комплексного изучения социально-экономических процессов в граничащих с КНР регионах мы видим парадоксальную картину. В этих регионах, или находящихся в достаточной близости (и транспортной доступности) от КНР, где, казалось бы, следовало ожидать положительного влияния бурно развивающегося Китая, экономический рост, как правило, был ниже среднероссийского, и даже ниже, чем в среднем по округам – Дальневосточному и Сибирскому. Так, за период 2000–2007 гг. – так называемого восстановительного роста эконо-

мики России (63% за восемь лет), рост экономики Приморского края составил 39,93%, Хабаровского – 45,67%, Амурской области – 45,67%, Читинской – 48,64% [1]. *Даже в относительно благополучные для России предкризисные годы российско-китайское приграничное сотрудничество не стало серьезным фактором роста региональных экономик* (есть основания считать, что это, более того, было определенным препятствием для процессов диверсификации). В то же время 2000-2007 гг. российско-китайские связи расширялись, объемы товарооборота постоянно росли, должностные лица выступали с оптимистическими оценками и прогнозами. *Однако результаты проведенных исследований говорят о том, что формат двусторонних отношений является далеко не оптимальным для российской стороны и его надо срочно менять.*

В восточных регионах России, в том числе граничащих с КНР, значительная доля хозяйственной деятельности относится к сырьевым секторам. По этой причине экономическая деятельность сопровождается значительным негативным воздействием на окружающую среду, и природные факторы, в свою очередь, оказывают серьезное воздействие на экономическое развитие [3]. Климатические изменения последних десятилетий приводят к усилению этого воздействия, и оба фактора создают угрозу необратимых изменений вследствие опустынивания, утраты биологического разнообразия и др. [6].

Одновременно увеличиваются объемы китайских инвестиций в минерально-сырьевой сектор. На риски существующей практики сотрудничества обращают внимание многие исследователи. Так, в работе «Экологические риски российско-китайского сотрудничества: от «коричневых» планов к «зеленой» стратегии» [9] отмечается, что введение запретов на использование экологически опасных технологий в Китае приводит к поставке устаревшего оборудования в Россию посредством «инвестиций» в его приобретение. Экологический диспаритет вследствие сырьевого характера российского экспорта в КНР справедливо характеризуется как «колониальный». Ситуация усугубляется тем, что следствием китайских инвестиций становится экспорт сырья или продуктов его первичной переработки в Китай, где уже производится конечная продукция с высокой долей добавленной стоимости. Это объективно ведет к проигрышу российских регионов китайским в межрегиональной конкуренции со всеми вытекающими последствиями.

Динамику развития регионов в значительной мере определяет инвестиционная активность. Но и в этой сфере приграничные по отношению к КНР регионы находятся в «хвосте списка»: кластерный анализ показал, что в 2000-2007 они устойчиво попадали по этому показателю в 2 нижних кластера, отличие от

«передовых» регионов в расчете на душу населения составляет примерно два порядка. Поразительно, что по объемам иностранных инвестиций ситуация еще хуже – все граничащие с КНР регионы получили в 2007 году менее 5% иностранных инвестиций, в расчете на душу населения разрыв с верхним кластером также составляет в среднем два порядка. [2].

Социально-экономические процессы в восточных регионах России вызывают обеспокоенность и органов государственного управления. В 2009 г. распоряжением Правительства Российской Федерации утверждена «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года». В ней декларируется, что «Стратегической целью развития Дальнего Востока и Байкальского региона является реализация геополитической задачи закрепления населения на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе за счет формирования развитой экономики и комфортной среды обитания человека в субъектах Российской Федерации, расположенных на этой территории, а также достижения среднероссийского уровня социально-экономического развития». Одним из инструментов реализации этой Стратегии призвана служить «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009-2018 годы)», которую также называют «Программой -2018». Экономическому сотрудничеству с Китаем в правительственных инициативах отводится существенная роль, особые надежды возлагаются на китайские инвестиции. Однако простой анализ списка проектов показывает, что большинство сырьевых проектов – на территории России, а большинство перерабатывающих, в том числе высокотехнологичных производств – на территории КНР. Об этом много писали российские СМИ после утверждения «Программы – 2018». По существу, эта программа, усиливая существующие тенденции обеспечения китайской экономики сырьевыми ресурсами сибирских и дальневосточных регионов и способствуя развитию преимущественно в Китае перерабатывающих и высокотехнологичных производств, объективно ведет к отставанию восточных российских регионов от сопредельных китайских и к проигрышу в межрегиональной конкуренции.

Хорошо известна высокая экологическая интенсивность сырьевой экономики. Это означает, что негативное воздействие на окружающую среду в сырьевых отраслях в расчете на единицу экономического результата (например, на рубль ВРП) намного выше, чем в других. Добыча полезных ископаемых – эта область повышенного риска необратимых изменений природных систем и их экологических функций. Это снижает шансы природно-ресурсных регионов на экологи-

гически благоприятную диверсификацию экономики, что в конечном итоге будет сказываться на качестве жизни. В тоже время низкая доля добавленной стоимости в сырьевых секторах ведет к относительному снижению уровня благосостояния в регионах сырьевой ориентацией. Поэтому есть серьезные опасения, что уже наблюдаемый устойчивый отток населения из Сибири и Дальнего Востока будет усиливаться, а это точно не будет способствовать решению задачи закрепления населения в восточных регионах, заявленной в Стратегии развития ДВ и БР.

Об «экологической цене», которую платят природно-ресурсные регионы за эксплуатацию природных ресурсов можно судить по экологическим индикаторам качества экономического роста [7, 8]. Расчеты, проведенные в работах [3-5] позволили определить такую важную количественную характеристику региональных эколого-экономических систем, как *расход природного капитала за счет негативного воздействия на природные среды в процентах от ВРП*. Этот индикатор сырьевых регионов Сибири оказался существенно выше среднероссийского. Кроме того, расход природного капитала в этих регионах на несколько порядков превышает совокупные платежи за негативное воздействие на окружающую среду. Например, в Забайкальском крае расход природного капитала за счет негативного воздействия на природные среды составил 3,68% от ВРП, а платежи за негативное воздействие на окружающую среду – 0,0013% от ВРП. Таким образом, экологический долг [10] в региональных хозяйственных системах неуклонно растет.

Кроме того, известно, что сырьевая ориентация экономики влечет за собой влечет за собой не востребованность значительной части специалистов в высшем образовании, в том числе, выпускников вузов. Этот фактор является одним из определяющих для оттока квалифицированной молодежи из регионов ДВ и БР. Наблюдаемая миграция вызывает беспокойство не только в количественном, но и в качественном отношении. Исследования показали, что все больше молодых, инициативных, образованных людей уезжают не только в западные регионы России, но и в Китай, связывая с этой страной свою профессиональную карьеру.

Если программные документы декларируют создание «высокотехнологичных производств на уровне мировых стандартов» и в качестве основных мер для этого планируют добычу и первичную переработку сырья, то это означает лишь имитацию деятельности по модернизации экономики. Вызывает опасения и ориентация на привлечение инвестиций главным образом из Китая, так как в этом случае возникают серьезные политические риски: тотальная зависимость развития восточных регионов от факторов, на которые российская сторона практически не сможет влиять. Такая ситуация не

менее опасна, чем нынешняя зависимость экономики России от цен на углеводородное сырье. Приграничные регионы, особенно восточные, проигрывают в конкуренции за инвестиции по причинам, лежащим далеко за их пределами. Одна из основных – чрезмерная централизация бюджетных доходов и специфика российского бюджетного федерализма. В частности, таможенные доходы полностью поступают в федеральный бюджет и не «участвуют» в процессах развития, которые инициируются на региональном и местном уровне – а именно здесь появляются и идеи, и стимулы для реализации преимуществ приграничного положения.

Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (гос. контракт № 14.740.11.0211), а также при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 10-06-00060а).

Список литературы

1. Глазырина И.П. Минерально-сырьевой комплекс в экономике Забайкалья: опасные иллюзии и имитация модернизации // ЭКО. – 2011. – № 1. – С. 19-35.
2. Глазырина И.П. Фалейчик А.А., Фалейчик Л.М. Приграничное сотрудничество в свете инвестиционных процессов: пока минусов больше, чем плюсов // ЭКО. – 2011. – № 9. – С. 50-70
3. Забелина И.А., Клевакина Е.А. Сравнительный анализ эколого-экономического положения российских регионов // Безопасность в техносфере. – 2009. – № 6 (21). – С. 50-57.
4. Забелина И.А., Клевакина Е.А. Оценка экологических затрат в произведенном валовом региональном продукте // Регион: экономика и социология. – 2011. – №2. – С. 223-232.
5. Забелина И.А., Клевакина Е.А. Эколого-экономические аспекты природопользования и проблемы приграничного сотрудничества в регионах Сибири // ЭКО. – 2011. – №9. – С. 155-166
6. Михеев И.Е. Таксономический состав ихтиофауны Забайкальского края на рубеже веков. Ученые записки ЗГГПУ им. Н.Г. Чернышевского. Серия «Естественные науки». – 2011. – № 1(36). С. 188-192.
7. Рюмина Е.В., Аникина А.М. Анализ влияния фактора природных ресурсов на уровень экономического развития регионов России // Проблемы прогнозирования. – 2007. – № 5. – С. 106-125.
8. Экологические индикаторы качества роста региональной экономики / Под. ред. И.П. Глазыриной, И.М. Потравного. – М.: НИИ-Природа, 2006. – 306 с
9. Экологические риски российско-китайского сотрудничества: от «коричневых» планов к «зеленой» стратегии / Под ред. Е. Симонова, Е.Шварца, Л. Прогуновой. – Москва-Харбин-Владивосток, WWF, 2010.
10. Glazyrina I, Glazyrina V.V., Vinnichenko S.V. The polluter pays principle and potential conflicts in society. Ecological Economics, 2006, v.59, no 3, 324-330

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ: ФИНАНСОВЫЙ АСПЕКТ

Растеряева Т.В.

*Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, e-mail: trasteryaeva@yandex.ru*

Интересы регионов связаны с обеспечением экономических и социальных основ формирования целостного хозяйственного регионального комплекса; с рациональной территориальной